

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА МАРКЕЛОВА

кандидат филологических наук, независимый исследователь (Москва, Российская Федерация)

dimentionen@yahoo.dk

РЕЦЕПЦИЯ САГ ОБ ИСЛАНДЦАХ В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАНДСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Рассматривается один из аспектов рецепции древнескандинавского культурного наследия в современной исландской литературе: историческая романистика 1990–2010-х годов, посвященная первым векам заселения Исландии (IX–XIII века). Подобные тексты в современной исландской прозе весьма малочисленны и пока не исследованы даже в самой Исландии. В статье рассматривается несколько романов различных авторов, вышедших с 1994 по 2012 год. В отличие от исторических романов о средневековой Исландии (и скандинавских странах вообще), созданных авторами из других стран, в современной исландской литературе в центре внимания оказываются не столько знаковые исторические события, сколько знаковые тексты. Такими текстами являются «саги об исландцах», обладающие в современной исландской культуре крайне высоким статусом. Взаимодействие с ними открывает свободу для новых интерпретаций. Это может быть повествование о том, чем герой саги мог заниматься в период, не описанный в самой саге («Торвальд Странник» Ауртни Бергманна, «Ауд» Вильборг Давидсдоттир), «переписывание» конкретной саги с точки зрения ее маргинального персонажа («Глайсир» Аурманна Якобсона), стилистический эксперимент («Сага о Гейрмунде» Бергсвейнна Биркисона), попытка реконструкции утраченного древнего текста («Здесь лежит скальд» Тоуарина Эльдъяртна). Исторические романы, в которых обращение к данной эпохе происходит без обращения к текстам саг, составляют меньшинство («Повесть о Корке» Вильборг Давидсдоттир). Необходимость взаимодействия с текстами саг налагает на исландских авторов определенные ограничения, с которыми не сталкиваются исторические романисты в других странах: саги об исландцах считаются эталоном повествовательного искусства, а их сюжеты в той или иной степени известны исландским читателям, и внесение в них изменений не практикуется. Изменениям подвергается интерпретация событий саги, но не сами эти события. Все вышеописанное ставит рецепцию древнескандинавского литературного наследия в современных исландских исторических романах о IX–XIII веках в уникальное положение по отношению к такой рецепции в современных литературах других стран европейской культуры.

Ключевые слова: современная исландская литература, древнескандинавская литература, саги об исландцах, исторический роман, интертекстуальность, рецепция

Древнескандинавская литература, без сомнения, стоит на одном из первых мест по притягательности для деятелей искусства в странах европейской культуры на протяжении последних нескольких веков и на одном из первых (после античной литературы) мест по степени исследованности учеными. Так же многочисленны и исследования рецепции древнескандинавских сюжетов, персонажей, концептов в позднейших литературах различных стран. Наибольшее внимание уделяется этой рецепции в эпоху романтизма, на рубеже XIX–XX веков, в середине XX века. Восприятие древнескандинавской словесности на рубеже XX–XXI веков не так часто попадает в центр внимания исследователей, кроме ярких образцов массовой культуры или необычных экспериментальных текстов (таких как, например, роман Нила Геймана «Американские боги» (2001)). Как правило, речь идет о странах континентальной Скандинавии, Германии и англоговорящих странах. Однако из картографа-

рирования этой рецепции в современном мире весьма часто «выпадает» Исландия.

Рецепция древнескандинавской литературы и культуры, характерная для большинства стран Запада (а также для России, см. [3]), в строгом смысле является рецепцией рецепции, так как основывается не на первоисточниках, а на их переводах и пересказах. Невозможность для большинства реципиентов читать древнескандинавские тексты в подлиннике ставит их в зависимость от доступных источников на понятных им языках – даже если эти источники несовершенны [8: 325–335].

Современные исландцы, в силу архаичности исландского языка и пуристических установок в языковой политике страны, не обречены довольствоваться переводами важнейших древнескандинавских текстов, но способны в той или иной степени воспринимать оригинал без долгой подготовки. Образцы древнескандинавской словесности в неадаптированном виде исландские учащиеся, как правило, проходят в колледжах

в рамках общей образовательной программы. (Насколько оригинальный древний текст при этом оказался модифицирован в результате издательской политики – отдельный вопрос, см. [6: 119–168].)

В общей картине рецепции древнескандинавской словесности Исландия занимает особое место, заслуживающее отдельного рассмотрения.

Самая «исландская» часть древнескандинавского литературного наследия – «саги об исландцах». Самая предсказуемая и распространенная художественная форма, в которой может происходить взаимодействие с материалом саг, – исторический роман.

Тексты, о которых идет речь в данном исследовании, не переводились на русский язык, кроме романа Ауртни Бергманна «Торвальд Странник» (1994), и пока еще крайне мало изучены даже в самой Исландии, где вся литература о них ограничивается рецензиями на отдельные романы и упоминаниями в обзорных работах по истории исландской литературы.

Ta часть современной исландской исторической романистики, которая затрагивает первые века заселения Исландии (IX–XIII века), имеет ряд особенностей по сравнению с историческими романами на том же материале, созданными авторами из других стран. Надо учесть, что в современной исландской литературе, судя по всему, отсутствует жанр, очень распространенный в литературе многих европейских стран, в том числе в русской, – массовый приключенческий роман об эпохе викингов (с авантюрным или любовным сюжетом, с принесением исторической достоверности в жертву занимательности). В таких романах автор взаимодействует, строго говоря, не только с самим историческим материалом, сколько с образом конкретной эпохи, существующим в массовом сознании. (Как возник и распространился этот образ эпохи – см. [2: 312–342].) В современных литературах этот жанр может присутствовать не в чистом виде, а граничить с другими жанрами.

В Исландии исторические романы об этих эпохах нередко пишут специалисты – филологи и историки, хорошо ориентирующиеся в первоисточниках.

В строгом смысле применительно к исландским историческим романам о периодах с «эпохи заселения земли» до «эпохи Стурлунгов» следует говорить не столько о знаковых исторических событиях исландской истории, сколько о *заковых текстах*. Причем речь идет о текстах, которые с обычной точки зрения относятся скорее не к области историографии, а к области художественной словесности. В них неизбежно тем или иным образом затрагивается материал таких жанров древнеисландской прозы, как «саги об исландцах», реже – «саги о современности», например «Сага о Стурлунгах», и тексты вроде «Книги о заселении земли». Это неудивительно, так как история, быт и духовный мир исландцев соответствующих веков в основном известны как

раз по этим древним текстам. ««Книга о заселении земли» содержит имена и иногда детали биографии большого количества первых исландских поселенцев». Такие романы создаются на базе тех источников, историческая достоверность которых спорна, но которые считаются, и не только в Исландии, безупречными именно в качестве художественных произведений. В современном исландском социуме упомянутые древние тексты обладают очень высоким статусом. Наиболее предсказуемым и удобным материалом для исторических романов современных исландских авторов, конечно же, служат «саги об исландцах».

Как пишет крупный исландский филолог Ауртни Бергманн (род. 1935):

Повсеместно бывает так, что метод нашей древней литературы, присущая ей лапидарность, а также ее венецианность в нашем сознании рано или поздно приводят к тому, что автор вторгается в ее сферу, присваивает ее себе и помещает то, что больше всего занимает его ум, именно в историю, случившуюся более тысячи лет назад [4: 118].

Заметим, что исторический роман – не единственный в современной исландской литературе жанр, в котором может происходить обращение к материалу саг. Возможно обращение к сагам в романах о современности, в лирической поэзии, в различных жанрах детской литературы.

Возникает закономерный вопрос: зачем создавать современные тексты на материале саг, если у исландцев уже есть сами саги? Убедительное психологическое обоснование такого рода творчества у современных исландских авторов дал тот же Ауртни Бергманн:

...эти древние памятники литературы, саги наши, занимают настолько видное место в сознании исландского писателя, настолько важны для его работы с языком, что вполне естественно он рано или поздно захочет проверить себя и свое искусство рассказа именно на этом материале [1].

В исландской культуре саги имеют статус эталона повествовательного мастерства, и для каждого отдельного писателя стремление сопоставить собственное мастерство с этим эталоном понятно. Для литературного сообщества в целом такое творчество может иметь следующий результат: каждый отдельный автор исторических романов со своей уникальной интерпретацией саг существует в окружении других таких же интерпретаторов, а значит, требования к оригинальности и занимательности интерпретации возрастают.

Древнейшие периоды истории Исландии являются в современной исландской литературе, насколько можно судить, отнюдь не самым распространенным материалом для исторических романов. Молодые авторы (вступившие в литературу в 2010-х годах) предпочитают в своем творчестве обращаться к какому угодно другому материалу и к другим историческим эпохам, нежели описанные в сагах, например, к событиям XX века. Заметным исключением здесь является

Снорри Кристьянссон, пишущий исторические романы об эпохе христианизации Норвегии на английском языке для зарубежной аудитории.

Количество исторических романов о данных эпохах, написанных на исландском языке в 1990–2017 годах, легко обозримо. Рассмотрим конкретные тексты.

«ТОРВАЛЬД СТРАННИК» АУРТНИ БЕРГМАННА (1994)¹

Заглавный герой романа считается историческим персонажем; он известен в основном из «Пряди о Торвальде Страннике» и «Саги о крещении Исландии», где рассказывается о его встрече с саксонским епископом-миссионером Фридриком, собственной миссионерской деятельности в Исландии, путешествиях. В этих текстах сообщается, что Торвальд был изгнан из Исландии за убийство, долго странствовал по Руси и Византии и окончил свои дни в неком монастыре под Полоцком, который сам же основал. Однако в сагах о пребывании там Торвальда говорится ничтожно мало, и роман Ауртни Бергманна – своеобразный ответ на вопрос о том, что случилось с героям в «большом мире». В частности, Торвальд в романе становится свидетелем крещения Руси; нанимается на военную службу к византийскому императору и участвует в карательных экспедициях против еретиков; сам чудом избегает ареста за крамольные воззрения; некоторое время живет отшельником; присутствует при диспутах, приведших к церковному расколу; оказывается вовлечен в политическую борьбу русских князей...

«Торвальда Странника» можно во многом определить как роман становления: герой делается искренним адептом новой для своей страны веры, пытается разобраться в этических и экзистенциальных вопросах. (По словам самого автора, «Торвальд – участник вечно нового поиска фундаментального доверия к бытию, к человеческому существованию») [1].

В романе есть аллегорическая фигура – «Дух истории» (автор подразумевает под ней прежде всего дух данного повествования, но его легко интерпретировать и как силу, движущую мировую историю вообще). Дух истории движется во времени, но порой сам не знает, куда придет. Кроме него в романе есть своего рода всеведущий рассказчик, активно вступающий в диалог с гипотетическим читателем, охотно комментирующий для него особенности мировоззрения и быта персонажей. Предполагается, что читатель не знаком с мировоззрением средневековых людей непосредственно, но в той или иной степени знаком с теми представлениями об этой эпохе, которое дало ему чтение исторических (или даже историко-приключенческих) романов:

Наверное, Дух истории так хочет, чтобы всё это было очевидным, точно так же он хочет, чтоб мы знали всё-всё о языческих жертвоприношениях, об оружии и доспехах, о сараях и уборных, о башмаках и чашах. Если

собрать вместе все, что оставили или могли бы оставить нам века, тогда истории будут больше верить. Читателю хочется, чтобы герои, созданные, казалось бы, из одних лишь слов, обрели опору в вещах... <...> ... Читатель хочет, чтоб ему дали его игрушки, а без них он становится недоверчив и начинает думать, что рассказчик водит его за нос. <...> Мы с вами никогда не натягивали лука, способного выпустить смертоносную стрелу. И все равно Дух истории искушает нас писать, нашептывает, чтоб мы подробно рассказали об искусстве стрельбы, чтобы мы притворились, будто знакомы с ним так же хорошо, как и со всем остальным, что содержится в нашем рассказе (18).

Герои Ауртни все же «обретают опору» не столько «в вещах», сколько в идеях и текстах. «Торвальд Странник» весьма насыщен отсылками к средневековой словесности, причем не только исландской. Интертекстуальные связи с сагами, в которых упоминаются события жизни Торвальда, со скальдическими висами из этих саг (они цитируются в романе) лежат там на поверхности. Кроме того, в первых главах романа цитируются и стилизуются строфы из эддических песней и крылатые выражения из других саг об исландцах, что сразу вводит читателей в духовный мир персонажей-язычников. Но также там в большой мере присутствуют и другие важные интертекстуальные пласти. Так как автор романа – крупный филолог-руссист, а часть действия происходит в Киеве и Новгороде, в романе есть и русский культурный пласт, в том числе там цитируются в переводе на исландский язык древние и фольклорные русские тексты: былины, духовные стихи, легенды о Богородице. У романа три интертекстуальных пласта: скандинавский, русский и универсально-христианский (новозаветные тексты).

Форма и манера подачи материала в «Торвальде Страннике» в известной мере полемичны по отношению к стандартным представлениям о том, каким должен быть исторический роман. Историческая действительность, с точки зрения рассказчика, «живет» для современных читателей не сама по себе, а исключительно в форме словесных произведений (древних текстов, современных исторических романов, рассказов Духа истории), а значит, история подчиняется законам художественного творчества, а не представлениям о том, какова должна быть «объективная реальность», подразумевающим лишь одну «истину». Однозначного финала у романа нет; заключительная глава состоит из трех частей, и в каждой рассказывается своя версия того, как могла закончиться жизнь Торвальда, и эти версии равнозначны.

В конечном итоге «Торвальд Странник» как текст стремится не к детализированной передаче исторической конкретики (несмотря на то, что она там воспроизводится со всей точностью, в том числе история идей), а к философским обобщениям. Центральные темы романа: поиск духовного пути и любовная тема, – универсальны.

ВИЛЬБОРГ ДАВИДСДОТТИР. «ПОВЕСТЬ О КОРКЕ» («У ИСТОЧНИКА УРД»; «СУД НОРН») (1993, 1994); «АУД» (2009)

Вильборг Давидсдоттир (род. 1965) называет себя ученицей Ауртни Бергманна в том, что касается написания исторических романов.

В «Повести о Корке»² героиня изначально занимает в социуме маргинальное положение: она – дочь исландского хёвдинга Тороульва и пленной ирландки Мируны, с детства рабыня; однако ко второй части дилогии она восходит вверх по социальной лестнице и сама становится женой хёвдинга и хозяйкой хутора.

В дилогии ярко выражен интертекстуальный пласт, связанный с мифологическими песнями «Старшей Эдды»: эпиграфы к частям романов взяты из «Прорицания Вельвы», «Речей Высокого» и «Речей Гrimнира», строфы из «Речей Высокого», посвященные рунам, цитируются в тексте (60–61). С рунами же связан символический пласт романа: престарелая мать Тороульва – Ульвбрун, сведущая в колдовстве, учит Корку рунической премудрости и сама гадает для нее. Руна Корки – «kaun» – «руна страданий и трудностей... но она также означает и светоч (kyndil), несущий свет и освещдающий темноту» (64).

Главные экзистенциальные вопросы, которые решает Корка, связаны с судьбой и с верой. Героиня убеждена, что судьба дается человеку норнами, и тем не менее всей своей биографией опровергает это утверждение, в том числе – заданную рунами символику своего имени.

В раннем детстве Корка получила от матери и других ирландцев представление о христианской вере, но после гибели Мируны героиню воспитывают в языческом духе. В романе «Суд норн» Корка оказывается на Западных фьордах, куда выдали замуж законную дочь Тороульва Гюнхильд, и пытается помочь сестре, поскольку ее муж Гюннбьёртн оказался домашним тираном. Там она встречает ирландского монаха-отшельника, носящего в романе имя папа Patrekur. (Ирландские отшельники, именуемые párag, упоминаются в «Книге о заселении земли», однако об их пребывании в Исландии известно немного.) С монахом Корка ведет разговоры о вере, выборе и судьбе:

— Бабушка рассказывала мне о богах в Асгарде, об их могуществе, силе и хитроумии. Мне все эти качества потребовались, чтобы выжить. Мирные люди слабы, сильным живется лучше. Так оно бывает, и так будет всегда.

Монах покачал головой:

— Для того, чтобы выбрать мир, требуется больше силы, чем для немирья (308).

Однако персонажи в романе не приходят к окончательному выводу о преимуществах того или иного мировоззрения. Героиня не обращается обратно в веру своей матери, и тем не менее образ монаха Патрека в романе строго положителен. Сам монах играет важную роль в сюжете:

пускается в путь на юг Исландии, чтобы привезти Торольву весть о том, что его дочь Гюнхильд в беде – и Торольв приезжает и получает возможность наконец помириться с Коркой.

Сюжет дилогии не привязан к конкретным сагам и обладает явными чертами сюжетов приключенческих романов. По уверению самой Вильборг, дилогия задумывалась прежде всего как роман для подростков. Судьба Корки скорее заставляет вспомнить судьбы современных женщин, чем саговых героинь; при этом в романах нет нарочитого осовременивания эпохи, материальная и духовная сторона жизни исландцев IX века воссоздана с большой степенью исторической достоверности.

В романе «Ауд» (2009)³ речь идет уже о героине, известной по нескольким сагам (Ауд или Унн Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого). В книге действуют исторические персонажи, скандинавы и ирландцы, а сюжет разворачивается частично на Сюдрэйар (Гебридских островах), частично – в скандинавском поселении в Дублине в 853 и 854 годах. Работа автора с историческими источниками в книге лежит буквально на поверхности: роман снабжен авторскими комментариями, касающимися действующих лиц, генеалогиями и картами местности. И все же основную сюжетную линию составляет «дописывание» событий, оставшихся в сагах «за кадром», – юность героини и обстоятельства ее замужества. В этом смысле «Ауд» напоминает «Торвальда Странника» Ауртни Бергманна: это попытка «достроить» биографию известного по древнеисландским источникам лица, исходя из данных о политическом и мировоззренческом климате эпохи. При этом задача Вильборг усложняется тем, что в древнеисландской словесности женщины далеко не всегда оказываются центральными персонажами (за исключением разве что Гудрун Освивсдоттир, героини «Саги о людях из Лососевой долины»). Основная черта описываемого в этом романе социума – сосуществование бок о бок язычников-скандинавов и христиан-ирландцев и, как следствие, частые дискуссии о вере. В частности, наиболее интересным собеседником для героини оказывается монах Гилли, приехавший на хутор Кетиля, чтобы забрать библию святого Колумкиле, которую тот захватил в качестве трофея.

После беседы с Гилли Ауд отправляется в канище на хуторе:

И все же она незаметно входит туда, чтобы осмотреться, но не замечает, чтобы там что-нибудь трогали... И все же что-то уже не такое, как раньше, когда она смотрит на идол Тора, привезенный ее отцом из Согна в Норвегию... И ее охватило удивление, когда она осознала, что изменился ее собственный взгляд: Господь всего мира – это тот, кто создал небо и землю, луну, солнце и звезды, говорил монах, а Аса-Тор – всего лишь кусок дерева, окропленный кровью. И вот – в ее глазах этот бог уже не похож на себя. Он печален. Испуган (69–70).

Как раз под этим идолом в святилище спрятана искомая библия; накануне того дня, когда Ауд вместе с другими женщинами с хутора принимает крещение, в капище ударяет молния, и оно сгорает. Впрочем, Ауд успевает достать оттуда книгу и впоследствии передать в ближайший ирландский монастырь. Возвратившийся из похода Кетиль решает, что капище поджег Гилли, и отрубает ему голову. Ауд выдают замуж за Олава Белого, конунга Дублина. Отношение к этому браку у героини весьма недвусмысленное:

Разве я должна быть благодарной за то, что меня за-продали незнакомому человеку как какую-нибудь рабыню, договорились о цене и ударили по рукам? И какова же разница между мною и невольницей, если я не должна никак высказываться о собственной судьбе? (71–72).

Описание семейной жизни Ауд проникнуто мощным феминистическим месседжем: совместное существование с Олавом не ладится, и героиня думает о разводе, но ей предлагают невыгодные условия; кульминации феминистическая проблематика достигает в сцене, когда Ауд рожает сына. Олав решает, что жена изменила ему с ирландским монахом, и тотчас заявляет о разводе; он хочет отослать ее домой к отцу, но героиня отвечает:

Я решаю за себя сама... Я буду жить на своей земле, с собственной челядью, и не буду отдана другому мужу, если только сама его не выберу (257).

Историческая героиня становится прецедентным образом сильной женщины, достойно отстоявшей свое право самостоятельно делать выбор в основополагающих вещах, и факты биографии Ауд Мудрой, известные по сагам, ни в чем не противоречат такой трактовке.

«САГА О ГЕЙРМУНДЕ» БЕРГСВЕЙННА БИРКИСОНА (2009)⁴

Этот текст представляет уникальный случай. Его тематика отстоит далеко от обычных коллизий в родовых сагах, при этом стиль мало отличим от стиля аутентичных древних текстов (Бергсвейнн Биркисон (род. 1971) – ученый-саговед), а сам роман закамуфлирован под научное издание древних рукописей из хорошо известной среди саговедов серии «Íslensk fortgáit».

В какой-то мере «Сагу о Гейрмунде» можно охарактеризовать как запоздалый образец постмодернистского экспериментирования. Авторский текст, «притворяющийся» публикацией вновь обнаруженной древней рукописи, – давно зарекомендовавший себя литературный прием. «Сага о Гейрмунде» подана именно как научное издание древней саги с двумя «слоями» комментариев: примечания и вставки наивного фермера-энтузиаста, якобы обнаружившего эту рукопись в 1930-х годах и безуспешно пытавшегося привлечь внимание ученых к своей находке, и комментарии издателя, якобы выпустившего текст.

Таким образом, роман представляет своего рода тройной портрет:

А) Травестирование эпохи саг, ее этических и эстетических установок: роль главного персонажа отведена человеку, максимально не соответствующему представлениям о саговом герое. Гейрмунд вырос среди дикарей, обладает уродливой внешностью, порочен, его жадность не знает меры и служит причиной основного конфликта в романе. Остальные персонажи также либо не соответствуют представлению о саговом герое, либо пародируют это представление. Яркий пример здесь – воспитатель Гейрмунда, воплощение викингской удачи, доходящей до абсурда; изъясняется этот персонаж исключительно сентенциями, пародирующими стилистику «Речей Высокого» (51–53).

Б) Пародирование саговедческого научного дискурса. В книге приводятся инвективы фермера-энтузиаста в адрес авторитетного исландского филолога середины XX века Сигурда Нордаля и его коллег. Возможно, этот пласт текста – своего рода выпад в сторону рецепции древнеисландской словесности, характерной для корифеев исландского литературоведения XX века, то есть той самой ее рецепции, которая много десятилетий оставалась доминирующей в исландском социуме [6: 119–131].

В) Сатирический выпад в сторону некоторых лиц и событий в исландском обществе в годы, предшествующие кризису 2009 года, а также в посткризисный период. Ключ к этому пласту текста дается в предисловии к «саге», где Гейрмунд прямо сравнивается с так называемыми *útrásarvíkinga* – олигархами, в предкризисные годы проводившими активную экономическую экспансию. Также там дебатируется современное исландское законодательство, а именно вопрос о том, кто должен владеть природными ресурсами в стране, который оказался самым актуальным при написании проекта новой конституции Исландии в 2010–2013 годах.

Кроме того, в фигуре главного персонажа можно усмотреть отголоски частых в современной общественной и научной жизни дискуссий о всевозможных маргинациях и меньшинствах, «невидимых» в культуре и в социуме на определенных этапах их развития. (Гейрмунд по происхождению – из народа бьярмов, который в «Саге...» отождествляется с ненцами.) В этом смысле показательно, что на обложке романа помещен текст: «Сага, которой исландцы не желали!», который можно воспринимать как пародию на популярные в современной прозе сенсационные разоблачения.

«Сага о Гейрмунде» – одновременно и стилизация, и пародия, и «роман с ключом». Обычный способ рецепции саг в современных исторических романах в ней «вывернут наизнанку»: если обычно сюжет древнеисландской саги передается художественными средствами современной литературы, то в романе Бергсвейнна Биркисона художественные средства древнеисландской саговой прозы используются для рассказа о таком герое, который, скорее, возможен в современности.

«ГЛАЙСИР» АУРМАННА ЯКОБССОНА (2011)⁵

Необычный способ обращения с саговым материалом мы видим в романе Аурманна Якобссона «Глайсир» (2011). Аурманн Якобссон (род. 1970) – известный литературовед, историк исландской литературы, специалист по сагам; в последние годы он также стал уделять время художественному творчеству.

«Глайсир» является своего рода переписыванием «Саги о людях с Песчаного берега» (*Eyrbyggja saga*) от лица одного ее эпизодического, но очень необычного персонажа: быка по имени Глайсир («Блистательный»), принадлежащего бонду Тородду Торбрандссону. В этого быка, согласно тексту саги, вселился призрак Торольва Скрюченная Нога. К историческим романам этот текст можно отнести, так как в нем присутствует достоверная картина определенной исторической эпохи, но основная предпосылка этого романа – фантастическая: события изложены с точки зрения представителя нечиисти. Рассказчик аттестует сам себя то как призрака, то как «злобного тролля».

Роман представляет рассказ Глайсира/Торольва от первого лица о событиях до и после гибели Торольва. Иногда текст саги цитируется прямо – в том случае, когда рассказчику необходимо показать, не как он сам воспринял то или иное событие, а как его увидели люди со стороны.

Рассказчик постоянно вспоминает о недавнем пришествии в Исландию христианства – однако оно ни в коей мере не отменяет волю старых богов, которые, как считает Торольв, прокляли его. Чтобы избавиться от проклятия, Торольв должен отомстить за своего нелюбимого сына Арнкеля, убив фермера Тородда – единственного человека, который хорошо относился к Торольву (пока тот пребывал в обличии быка Глайсира).

Торольв/Глайсир постоянно цитирует мифологические песни «Старшей Эдды», обычно те фрагменты, в которых речь идет о сотворении или о гибели мира, и тем самым его жажда мести возводится в ранг явлений космического масштаба (51, 149, 199). За счет отсылок к такого рода текстам образ этого персонажа получает дополнительное измерение. Торольв Скрюченная Нога, каким он предстает в романе Аурманна Якобссона, пополняет собой ряд precedentных саговых персонажей в исландской культуре: он становится precedentным образом злодея.

ТОУРАРИН ЭЛЬДЬЯРТН. «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ СКАЛЬД» (2012)⁶

Тоуарин Эльдъяртн (род. 1949) известен в современной исландской литературе как поэт, великолепно владеющий древними и старинными формами исландского стихосложения, а также как автор переводов-переложений на современный язык для юношества двух эддических песен: «Прорицания Вельвы» и фрагмента «Речей Высокого». В своей прозе (новеллах и романах) он обычно не обращается к формам древней словесности. Роман «Здесь лежит скальд», являю-

щийся искусственной стилизацией саги, составляет примечательное исключение. У романа есть подобие рамочной композиции: в 1190 году пастух Хатльбьёртн, мечтающий стать поэтом, прилег отдохнуть на курган на Полях Тинга, известный как Курган Торлейва, и скальд Торлейв явился ему в видении, после чего Хатльбьёртн сложил драпу о нем (как раз начинаяющуюся словами «Здесь лежит скальд»). Эта драпа и другие стихи Хатльбьёртна о Торольве приводятся в романе в качестве эпиграфов, а сам роман воспроизводит древнюю сагу о жителях долины Сварвадардаль (*Svarfdæla saga*), дошедшую до наших дней лишь в виде разрозненных фрагментов [5: 131]. То есть текст «Здесь лежит скальд» можно с полным правом назвать «романом-реконструкцией».

При всем том роль поэта, то есть скальда, его отношение к творчеству и силе слова в романе осовременены: если в древнеисландском понимании скальд – просто человек, владеющий искусством, *techne* традиционного стихосложения [2: 354], то Торлейв осмысливается именно как человек, наделенный особым творческим видением мира, быть поэтом – «в его натуре» (96), а процесс сочинения Торлейвом скальдических драп, как он описан в романе, мало отличается от работы современного писателя над рукописями (116).

Так как «саги об исландцах» (впрочем, и другие жанры саговой литературы) в той или иной степени известны большинству носителей исландской культуры, то исландские авторы, решившие взять в качестве тематики своих исторических романов эпохи IX–XIII веков, не идут по тому пути, который часто избирают неисландские исторические романисты, то есть путем создания текста, воспроизводящего типичные сюжетные ходы, характеры и стилистику «саг об исландцах» (в той мере, насколько их понял автор). В исландских исторических романах, посвященных первым векам со времени заселения Исландии, автору почти всегда диктуются ограничения, налагаемые конкретными древними *текстами*, на основе которых создаются романы, то есть сюжетом и системой персонажей определенных саг, или, как в случае с «Сагой о Гейрмунде», их стилистикой и композиционными особенностями. Исторические романы, в которых обращение к данной эпохе происходит без обращения к текстам саг, составляют меньшинство.

Процент расхождений с событийным рядом саги, на основе которой написан тот или иной роман, как правило, ничтожно мал. (Автору этих строк не встречалось исландских романов, в которых «Сага о Ньяле» переписывалась бы таким образом, чтобы Ньяль не сгорел, а спасся.) Изменениям подвержена интерпретация событий саги, но не сами эти события.

Разнообразное взаимодействие с текстами конкретных саг ставит рецепцию древнескандинавской культуры в исландских исторических романах о IX–XIII веках в уникальное положение по отношению к такой рецепции в литературах других стран европейской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бергманн А. Торвальд Странник / Пер. О. А. Маркеловой. М.: Ломоносов, 2015. 246 с. В круглых скобках указаны страницы.
² Vilborg Davíðsdóttir. Korku saga. Reykjavík, Mál og menning, 2003. 383 с. Перевод исландских источников принадлежит автору статьи. В круглых скобках указаны страницы.
³ Vilborg Davíðsdóttir. Auður. Reykjavík, Mál og menning, 2009. 267 с.
⁴ Bergsteinn Birkison. Geirmundar saga heljarskinnins. Reykjavík, Bjartur, 2015. 185 с.
⁵ Ármann Jakobsson. Glaesir. JPV útgafa, Reykjavík, 2011. 204 с.
⁶ Þórarinn Eldjárn. Hér liggur skáld. Reykjavík, Mál og menning, 2012. 164 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Markelova O. A., independent researcher (Moscow, Russian Federation)

RECEPTION OF SAGAS OF THE ICELANDERS IN MODERN ICELANDIC HISTORICAL NOVELS

The article deals with one particular aspect of the reception of the Old Norse literature and culture in the Icelandic fiction between the 1990s and the 2010s – historical novels about the Icelanders from the period between the IX and the XIII centuries. Such texts in modern Icelandic fiction are quite rare, and have not yet been researched even in Iceland. This paper examines several novels by different authors written between 1994 and 2015. There is a difference between the novels on medieval Iceland (and the Nordic lands in general) composed by non-Icelandic and Icelandic authors: in Iceland such novels are usually based not on significant historical events, but on symbolic texts. These are the “Sagas of the Icelanders”, which have a very high status in modern Icelandic culture. The interplay with these texts gives the authors freedom for new interpretations. It can be a story about some period of the hero’s life, not described in a particular saga (*Thorvald Viðförl* by Árni Bergmann or *Audur* by Vilborg Davíðsdóttir); rewriting a particular saga from a marginal character’s point of view (*Glaesir* by Ármann Jakobsson); a stylistic experiment (*Geirmundr’s Saga* by Bergsveinn Birkison); or an attempt to reconstruct the lost ancient text (*Here Lies the Scald* by Thorarin Eldjárn). There are very few historical novels describing these ages, which are not based on particular sagas (e. g., *Korka’s Saga* by Vilborg Davíðsdóttir). The necessity of the interplay with the texts of the sagas imposes certain restrictions on the authors of such historical novels, not known by historical novel writers of other countries: in Iceland, the sagas are regarded as a standart for the art of narration, and their plots are familiar to the most readers and are not modified. The interpretations of particular saga plots can be various, while the plot itself remains unchanged. It puts the reception of the Old Norse literary heritage in modern Icelandic historical novels about the period between the IX and the XIII centuries into a unique situation in relation to such reception in other modern literatures of the countries of European culture.

Key words: modern Icelandic literature, Old Norse literature, the sagas of the Icelanders, historical novel, intertextuality, reception

REFERENCES

1. Bergmann Aurtni. "Read Aurtni Bergmann's novel *Torvald the Wanderer* and his message to modern readers". Aurtni Bergmann's speech at the presentation of the novel *Torvald the Wanderer* in Bookbridge in Moscow (Skype, 27.10.2015). Available at: <http://odri.msk.ru/category/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%83%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B8-%D0%B1%D0%BB%D1%80%D0%B3%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BD/> (accessed 14.10.2017) (In Russ.)
 2. Steblin-Kamenskij M. I. Works on philology. St. Petersburg, 2003. 928 p. (In Russ.)
 3. Sharypkin D. M. Scandinavian literature in Russia. Leningrad, 1980. 322 p. (In Russ.)
 4. Árni Bergmann. Bægifótur bankar á dyr. Ármann Jakobsson, Glaesir. JPV útgáfa: Reykjavík 2011. *Tímarit Máls og menningar*. 4/2012. Bls. 118–123.
 5. Gísli Sigurðsson. Valdsmenn orðsins. Þórarinn Eldjárn: Hér liggur skáld. Vaka – Helgafell 2012. *Tímarit Máls og menningar*. 4/2013. Bls. 130–132.
 6. Jón Karl Helgason. Hetjan og höfundurinn. Brot úr íslenskri menningarsögu. Reykjavík, Heimskringla, háskólaforlag Máls og menningar, 1998. 269 s.
 7. Wawn A. The Vikings and the Victorians. Inventing the Old North in 19th-century Britain. Cambridge, 2000. 434 p.
 8. Wawn A. The post-medieval reception of Old Norse and Old Icelandic literature. A companion to Old Icelandic literature and culture. (Rory McTurk, Ed.). Oxford, 2005. P. 320–337.

Поступила в редакцию 27.04.2018